

ЖЕНСКИЙ НОВГОРОДСКИЙ КОСТЮМ В XIV–XV ВВ. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

В статье анализируются данные письменных, фольклорных и изобразительных источников по истории русского женского костюма XIV–XV вв., привлекаются данные археологии. Автор высказывает гипотезы по терминологии описания костюма, а также о возможном бытовании в XIV–XV вв. ряда предметов одежды, как существовавших в домонгольский период, так и известных по данным этнографии.

Ключевые слова: история русского костюма, Новгород, Псков, духовные грамоты князей, былины, иконы.

O. V. Kuzmina (Veliky Novgorod)

FEMALE NOVGORODIAN DRESS IN the XIV–XV cc. REVIEW OF SOURCES

This article analyzes written, folklore and visual sources in history of Russian women's dress of the XIV–XV cc. with the attraction of archaeological data. Various hypothesis in terminological description are proposed as well as suppositions about the possibility of existence in the XIV–XV cc. of a number of items of clothing, both known in the pre-Mongol period, and by ethnographical data.

Keywords: History of Russian costume, Novgorod, Pskov, testaments of princes, epics, icons.

В отличие от мужской одежды, внешний вид которой возможно в общих чертах реконструировать при помощи сопоставления синхронных археологических и изобразительных источников, женская одежда практически не поддается реконструкции. Женщины на миниатюрах встречаются гораздо реже, чем мужчины, а иконописные изображения по большей части являются копиями с византийских образцов. И все же можно найти в источниках хоть и скудные, но весьма ценные данные о женском костюме исследуемого периода. Головной убор женщин исследуемого периода в данной статье сознательно не рассматривается, поскольку является темой отдельного исследования.

Изображений женщин в нижней одежде на Руси практически нет. На боярыне Марии с иконы «Молящиеся новгородцы» видны только ворот и рукава белой рубахи. Но письменные источники подтверждают, что женщины носили сорочку (срачицу) под верхней одеждой. В Житии Андрея Юродивого (список XVI в.) читаем: «Демон научи его сняти [с умершей] и срачицу и оставити тело наго, еже и сътвори...» [21, с. 126]. Описывая взятие и разграбление Торжка в 1373 г., летописец подчеркивает существование женской нижней рубахи: «А жен и девиц одираху и до последние наготы рекше и до срачицы, иже и погании не творят; и те истопишася в реце срама ради» [4, с. 20]. В Рогожском летописце рассказывается об иноческом подвиге княгини Василисы, которая в монастыре «в срачице не хожаше, но власяницу на теле своем носаше» [21, с. 127]. То есть, княгиня-монахиня не носила нижней рубашки, а непосредственно на тело надевала шерстяную власяницу, что было по христианской традиции способом усмирения плоти.

Рубашку женщина непременно подпоясывала плетеным или сотканным на дощечках узким поясом из шерстяных ниток. Пояс считался одним из наиболее сильных и универсальных защитных средств. Женщина снимала пояс лишь при совершении колдовских или ритуальных действий. На миниатюре Радзивилловской летописи (XV в.) в распоясанных платьях изображены женщины-язычницы в сцене свидания с мужчинами. В русских былинах в одной «тоненькой рубашечке без пояса» встречают девушки своих возлюбленных. Во время некоторых языческих обрядов, связанных с культом плодородия, девушки и женщины распоясывали рубахи, как бы демонстрируя готовность к зачатию новой жизни.

Анализ всех доступных источников позволяет сделать вывод, что никакого иного белья, кроме сорочки, женщины в Средние века на Руси не носили. Более того, в русских старовечерских общинах, известных своей приверженностью старине, женщины не носили белья даже в XIX в. Согласно данным этнографии, в период кормления ребенка женщины в случае необходимости стягивали грудь тканевой повязкой. В «критические дни» женщины протаскивали подол исподней рубашки между ног сзади наперед, и кончик затыкали за пояс. Внутри клали пучки мха-сфагнума, который обладает гигроскопичными и антибактериальными свойствами. В холодное время года женщины надевали под низ две-три рубахи для тепла. Рубахи подпоясывались по талии, создавая своеобразный «колокол», в котором тепло сохранялось до колен, а ниже колен ноги защищали вязаные чулки.

Женские чулки на Руси были известны с давних пор. Так, белые женские чулки упоминаются в русских былинах. Офимья, купеческая дочь, в новгородской былине о Хотене Блудовиче, ходит по терему «а в одной тонкой рубашке без пояса, а в одних тонких чулочках без чоботов». В холодное время года женщины, по всей видимости, носили длинные теплые чулки, вязанные иглой из шерстяных ниток. Упоминание о таких чулках находим у А. В. Арциховского: «найжены в женском погребении хорошо сохранившиеся остатки чулок. Чулки эти доходили выше колен и были, по замечанию, А. И. Черепнина, вязаны из очень толстых и грубых шерстяных ниток, на одной спице, накидной петлёй, окрашены в красный цвет» [2, с. 102].

Косвенное свидетельство отсутствия белья в Древней Руси — иностранные записки о русских нравах. Ульфельд, посетивший Россию в 1575 г. рассказывает из времени своего пребывания в Новгороде следующее: «Однажды, находясь на площадке перед нашим домом вместе со своими многочисленными слугами, мы увидели в соседнем [доме] женщин, которые задирали вверх одежду и показывали нам в окне срамные [части тела], как передние, так и задние; высовывали из окна голые ноги — поочередно то левую, то правую, и зад, и другие [части тела], не смущаясь присутствием приставов» [23, с. 304].

Здесь явно имеются в виду «гулящие девки», завлекающие мужчин. О существовании проституции в Новгороде известно и по немецко-русскому словарю-разговорнику Тенниса Фенне, переписанному в 1607 г. Можно, конечно, посчитать, что проститутки не надевали белья, в силу специфики своей профессии. Однако, вот более раннее свидетельство Альберта Шлихтинга, который писал о временах Ивана Грозного: «Предметом поругания и бесчестия для тирана служат и женщины, если с какой из них он встретится на пути. Именно, если едет какая-нибудь знатная женщина, или супруга воеводы, или лица какого-нибудь другого положения или состояния, то, заметив ее, тиран тотчас посылает спросить у нее, кто она. Если та скажет, что она жена того, на кого он сердит, то он тотчас велит ей сойти с носилок и в таком виде поднять платье и предоставить срамные части для созерцания всех. Ей нельзя двинуться с места, пока тиран со всею своей свитой не увидит ее обнаженной. То, что я пишу вашему королевскому величеству, я видел сам собственными глазами содеянным в городе Москве» [25].

Итак, не только гулящие девки, но и знатные женщины на Руси в XVI в. не носили белья, аналогичного современным трусам или средневековым западноевропейским брэ.

Что же касается вопроса, существовали ли в Средневековой Руси женские нижние юбки, то и на него можно ответить отрицательно. Единственным «доказательством» существования такого элемента костюма являются изображения на клеймах псковской иконы XV в. «Святые Параскева, Ульяна и Варвара с житием Варвары и Ульяны». Мученицы изображены в набедренной одежде, напоминающей юбки. Однако такое изображение могло быть данью православной традиции не изображать на иконах «срамные» части тела человека, а «юбки» — всего лишь аналог мужской набедренной повязке. Или же, что более вероятно, так изображены сорочки, содранные палачами с плеч истязаемых женщин.

Женские сорочки, как и мужские, шили из беленого льна. Наиболее раннее упоминание женских шелковых, богато украшенных сорочек относится к 1486 г. В завещании Верейского и Белозерского князя Михаила Андреевича находим подробное описание женских сорочек, завещанных князем своей дочери: «сорочка шидена с дробницею; да четыре сорочки крас-

ны... ларец желт с сорочками с шидеными» [9, с. 312]. Красная, вероятно, шелковая сорочка упомянута в приданом дочери княгини Юлиании: «сорочка шита червчата, рукава сожены», то есть, рукава сорочки были расшиты жемчугом [9, с., с. 350]. Поскольку в XV в. в женском костюме входит в моду платье с широкими рукавами примерно в три четверти длиной, появилась возможность демонстрировать надетые под платье богато украшенные шелковые рубашки.

В этнографии известны особые, нарядные обрядовые женские рубахи. Средневековые изобразительные источники зафиксировали всего один вид женской ритуальной одежды. Во время языческих игрищ-русалий женщины надевали рубахи с длинными рукавами, которые спускались до полу. Наиболее раннее изображение женщины, одетой в рубашку с длинными, как бы льющимися до полу рукавами, есть на створчатом браслете XII в. из Рязани [8, с. 182–184; 15, с. 91, илл. 19–21]. Изображение рукавов вызывает прямую ассоциацию с водой. Вероятно, сам обряд, в котором участвовали женщины, одетые в столь своеобразные одежды, был связан с вызовом дождя или шире — с культом плодородия земли.

Более позднее изображение девушки, танцующей в рубахе с длинными рукавами, находим в Радзивилловской летописи. Миниатюра, изображающая русальские танцы, нарисована очень подробно, со знанием дела. Языческие в своей основе игрища продолжали сохраняться в православной Руси до XVII в., судя по бесчисленным церковным запретам. «Егда играют русалия, ли скомороси... или како сборище идольских игр — ты же в тот час пребуди дома!» [22, т. III, стб. 197] Таким наставлениям мало кто следовал даже в городах, не говоря уже о сельских жителях. В Псковской летописи под 1505 г. приводится послание игумена Панфила, в котором осуждается языческий праздник: «Егда бо приидеть самый праздник Рождество Предотечево, тогда во святую ту ночь мало не весь град возмается, и в селех возезятца в боубны и в сопели и гудешнием струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием и плясанием, женам же и девам и главами киванием и устами их непризнен клич, вся скверные бесовские песни, и хребтом их вихляния, и ногам их скакание и топтания...» [17, с. 90]

Ритуальные долорукавные рубахи сохранялись на Руси до XX в., когда уже были забыты многие обряды русалий, но своеобразный наряд сохранился, что говорит о важности ритуала, связанного с плодородием земли [19, с. 696].

Немного сведений сохранилось и о верхней женской одежде. В этой связи особый интерес представляет новгородская икона XIV в. «Рождество Богородицы». На ней изображены женщины в цветных рубахах и надетых поверх них платьях длиной до колен. Рукава у платьев короткие, не доходящие до локтя. Ворот, подол, низ рукавов платья украшены тесьмой или контрастными лентами. Судя по сюжету иконы, подобная одежда, удобная при выполнении физической работы по дому, могла принадлежать простым горожанкам и служанкам в богатых домах. В русской этнографии подобная одежда известна под названием «навершник». Это была накладная одежда, с круглым вырезом горловины без дополнительного вертикального разреза. Шили его из сукна, ткань перегибали по линии утка на плечах, а с боков пришивали прямые боковины. У навершника были короткие рукава с ластовицей. Внешний вид навершника полностью идентичен платьям, изображенным на иконе XIV в. Разумеется, это не является неопровержимым доказательством существования навершника в городском женском костюме XIV в., поскольку аналогичные изображения короткорукавной одежды встречаются в византийской и балканской иконографии. Но бесспорное удобство данного вида одежды позволяет предположить, что это не просто иконописный канон, а отражение реально бытовавшего фасона женской одежды.

Другой вид женской одежды, широко известный в этнографии, — сарафан — также имеет глубокие корни и появляется в русском костюме в Средние века. Считалось, что в женском городском костюме сарафан, как вид безрукавной одежды, надеваемой на рубаху, широко распространился только в XVI в. Сам термин «сарафан» впервые появляется в Новгородской летописи: «начаша ходити и ездити во охабнех и в сарафанех» [16, с. 27]. Это первое

в источниках упоминание сарафана как мужской одежды. Но, учитывая, что в других источниках XIV–XV вв. термин сарафан не встречается, данное свидетельство летописи можно считать позднейшим дополнением, вписанным уже в XVI в., когда данный вид одежды стал распространенным. Когда произошла смена понятий, точно неизвестно. Однако, в XVII в. сарафаном называют уже исключительно женскую безрукавную одежду. Археологические данные позволяют утверждать, что безрукавная женская одежда с лямками или глухого покроя была известна на территории Руси по крайней мере с XII в. [20, с. 290–295]. Во Владимиро-Суздальской земле распространился круглый лямочный сарафан, а в Новгородской земле — сарафан глухого покроя [18, с. 68–69]. Очевидно, что в XVII в. сарафаном стали называть женскую одежду, существовавшую ранее, но называвшуюся как-то иначе.

Логичным представляется гипотеза, что сарафан появился в русском костюме под влиянием одежды балтийских и финских народов, а возможно, и под западноевропейским влиянием. В Западной Европе в XIII–XIV вв. бытовала безрукавная одежда, которая шилась точно так же, как известные нам из этнографии глухие сарафаны Русского Севера. Кроме того, глухой сарафан очень напоминает одежду 14–15 вв. из Париселья [11, с. 201] (Западная Эстония). Показательно, что археологи находят в Новгороде очень много эстонских украшений [3, с. 94–105]. Эсты родственны народу водь, проживавшему в Водской пятине Великого Новгорода. В водском средневековом костюме явно прослеживаются связи и прямое сходство с эстонским. Население Водской пятины было смешанным — славяне заселили Ижорское плато с XI в., и хотя полного смешения двух этносов не произошло (водский костюм сохранил свою самобытность до XVIII в.), все же вожане многое восприняли от славян, а славяне — от коренных жителей Водской пятины.

М. Г. Рабинович высказал предположение, что в XV в. женский сарафан именовался шубкой [18, с. 68–69]. Действительно, в княжеских духовных грамотах под термином «шуба» («шубка») подразумеваются явно два вида одежды — на меху и без меха. К примеру, в завещании княгини волоцкой Юлиании особо выделено «женское платье»: «две шубы скорлат червьчет, одна без тавты, да шуба белоголуба без тавты ж, да шуба цини без тавты ж, да шуба чевьчетая ипская, да шуба светлозелена лунская, да шуба багрцы...». Далее список женской одежды продолжают лентики [9, с. 349–350]. Но полностью считать доказательным предположение М. Г. Рабиновича все же нельзя. Многочисленные названия одежд из письменных источников XIV–XVI вв. не дают нам возможности вычленить термин, обозначающий именно ту женскую одежду, что впоследствии стала называться сарафаном. Нельзя так же уверенно опираться и на локальные названия сарафана из этнографии, ведь названия одежды очень часто менялись. Поэтому еще одно предположение М. Г. Рабиновича, что сарафан мог именоваться в XV–XVI вв. фerezью, шушуном или саяном, так же, как глухой сарафан в некоторых областях на Русском Севере, спорно. С XV до XVII века названия одежды могли сильно измениться.

Среди богатых новгородских женщин в исследуемый период, судя по изобразительным источникам, были популярны длинные платья с широкими рукавами. Так на иконе «Святой Георгий с житием» изображена знатная девушка в длинном красном платье с золотой отделкой. Рукава платья длиной ниже локтя расширяются книзу и имеют вид колокола. В подобное платье одета боярыня Мария Кузьмина, изображенная на иконе «Молящиеся новгородцы», и плясунья с фрески церкви Успения в селе Мелетово близ Пскова (XV в.). Смысл широких рукавов женских платьев следует искать в языческих традициях. Так в Радзивиловской летописи девушки-язычницы изображены в длинных распоясанных платьях с широкими рукавами колоколом. Можно еще вспомнить знаменитую пляску Царевны-Лягушки из русской сказки, в которой девушка использует широкие рукава своего платья для колдовских целей.

Возможно, именно такие платья были предшественниками летника — наиболее популярной верхней женской одежды XVI в. Уже в конце XV в. летник входит в гардероб знатных женщин. Так князь Михаил Андреевич завещал своей дочери «летник червьчат, а вошва аксамит синь; летник цини голубы, вошва аксамит чернь; летник камка зелена, вошва аксамит

багрян; летник отласен, вошва камка зелена с золотом». Сестре князь завещал «летник камка желта, вошва аксамит багрян» [9, с. 312]. Волоцкая княгиня Юлиания завещала своей дочери «летник камка голуба без вошвы, да летник камка черьчета без вошвы, да летник атлас червьчат без вошвы, да летник каряне без вошвы...» [9, с. 350].

Возможно, к верхней теплой женской одежде относится «чупрун». Этот вид одежды упоминается в берестяной грамоте XV в. Новгородцы Иван Михайлович с женой Федосьей дарят своей дочери Евдокии и её мужу Никите Федоровичу в числе прочего имущества «двое порт, шюбу да чюпрюн...» [6, с. 264]. Согласно этнографическим записям, чупрун — это накладная одежда из сукна длиной до колена или ниже, с прямыми или скошенными боковыми вставками и длинными рукавами. Но что именно именовали чупруном в XV в. точно сказать невозможно.

Завещания князей и княгинь XV в. донесли до нас многочисленные названия женских одежд. Так в духовной Акилины, жены князя Федора (Псков, 1412–1421 гг.) упомянуты «тарлопъ коуinei и кадманъ червьчатый». Кроме того, княгиня завещает «подволоку свою камча тоую... в монастырь на престоль» [14, с. 73].

«Подволока» — это покрывало или накидка. Её упоминание часто встречается именно в княжеских духовных грамотах. На изобразительных источниках в исследуемый период княгини изображаются в головных белых покрывалах и наплечных накидках, иногда длинных. Возможно, именно эти легкие плащи и назывались подволоками.

В уже цитируемой духовной княгини Акилины упомянуты еще несколько деталей женского костюма: «оноучи и приворотьки». Оноучи в данном контексте следует переводить не как «оночи», но как «обувь» [22, т. 2, стб. 672]. «Приворотьки» же не имеют никакого отношения к приворотному зелью. Это название связано со словом «ворот» — «при вороте», то есть, это шейное украшение, вид съёмного воротника, возможно, стоечки, богато расшитого и очень ценного. В этом же завещании читаем: «отцу моему духовному Захарьи попоу даю приворота оу польтора роубля...»

О подобных элементах костюма идет речь в грамоте 1412 г., со списком убытков новгородцев. В частности, в грамоте говорится: «оборвале с ворота с шесть рублевъ...» [10, с. 687], то есть, оборвали с ворота драгоценностей на шесть рублей — по тем временам, немалую сумму. У пострадавших новгородцев, по всей видимости, ворота были обшиты либо жемчугом и драгоценными камнями, либо серебряными или золотыми бляшками.

Открытым остается вопрос, носили ли женщины в Новгороде платье западноевропейского покроя? С одной стороны, запретов на ношение европейской одежды, в исследуемый период не было. Более того, в новгородских письменных источниках можно найти множество доказательств тому, что мужчины такую одежду носили, причем это было элементом престижа. Любопытны в этой связи миниатюры Радзивилловской летописи, изображающей княгиню Улиту, жену князя Андрея Боголюбского, и женщин из ее свиты. На всех них надеты явно европейские наряды, причем костюм конца XV в. передан художником очень точно — киртл с длинным рукавом, узкий, сшитый по фигуре, с отгибающимися манжетами, европейский плащ, головной убор — вульстхаубе. На одной из дам надето верхнее платье гоун с более свободными рукавами. Такую одежду носили в XV в. в Великом княжестве Литовском, однако, иллюстрирующий летопись художник считал возможным нарядить в европейскую одежду русскую княгиню. Впрочем, возможно, таким образом, он показал иноземное происхождение Улиты, ведь на других миниатюрах русские женщины одеты в одежды совершенно другого покроя.

Еще один спорный вопрос в истории женского костюма Новгородской земли, — носили ли здесь в исследуемый период паневы. Данная поясная одежда сохранилась в традиционном русском костюме до XIX в. в основном в центральных и южных районах России, а на Северо-Западе был распространен сарафанный комплекс. В письменных источниках панева упомянута в Суздальской летописи под 1237 г.: «Женщина взя тело Василька (убитого татарами), и понявицею обит, рекше саваном».

В Новгороде в слоях X–XIV вв. встречаются остатки клетчатых тканей, напоминающих материал, из которого шили паневы, известные из этнографии. Однако, находки фрагментов кроеной одежды из «клетчатины» (ластовица, клинья), датируемых XIII–XV вв., свидетельствуют о том, что клетчатая ткань использовалась для пошива иной одежды.

Гораздо больше сведений можно найти об отделке одежды. Парадную верхнюю одежду украшали узорчатой тесьмой, вышивкой, золотым шитьем, жемчугом, нашивными металлическим бляшками. В некрополе Троицкого собора Антониево-Дымского новгородского монастыря археологи обнаружили в одном из захоронений XVI в. фрагменты шелковой золототканой ленты. Фрагменты встречались от уровня пояса до уровня колен. Фрагменты принадлежали трем лентам разной ширины. На лентах имелось два типа золототканого орнамента — широкая полоса вдоль всей ленты и солнечный коловрат. Очевидно, ленты были нашиты на одежду, о чем говорят дырочки от прошивки на их краях. Часть фрагментов лент были сложены и сшиты в виде бантиков [7, с. 72].

Более дешевыми видами отделки были шерстяные и льняные ленты — тесьма, сотканная на дощечках. Фрагменты такой тесьмы археологи находят в Новгородской, Ленинградской, Тверской и др. областях. Ширина этих лент могла быть самой разнообразной, в зависимости от количества дощечек и нитей основы, но обычно найденные фрагменты тесьмы не превышают по ширине 2–2,5 см. Нахождение лент в погребениях — как правило, в зонах, соответствующих вороту, рукавам, поясу.

Интересно, что в изобразительных источниках пояса на женщинах не прорисовывались, на иконах и миниатюрах женщины традиционно изображаются хоть и явно подпоясанными, но с поясами, скрытыми в складках платья. Судя по данным археологии, кожаных поясов женщины не носили, а верхнюю одежду подпоясывали текстильными поясами — шитыми, плетеными или ткаными. На поясе новгородские женщины носили сумочки с необходимыми мелкими предметами. В женской сумочке в исследуемый период могли лежать такие вещи, как зеркальце в деревянной или серебряной коробочке-оправе, копоушка, деревянный или костяной гребень, кошелек для денег, возможно, cera (или кусочки бересты) и писало, ключи от сундуков. Можно предположить, что женские сумочки могли быть сшиты из ткани или из кожи, богато украшены вышивкой, тиснением или аппликацией. Археологические находки разнообразных кожаных поясных сумочек и футляров в Новгороде весьма многочисленны, но, к сожалению, невозможно точно сказать, какие из них могли носить женщины.

Особо следует сказать о меховой одежде. Меха играли в древнерусском костюме важную роль. В торжественных случаях, требовавших поддержания престижа, богатые горожане одевались в меха даже летом. В былинах сохранились свидетельства, что и на пирах знатные горожане сидели в шубах. Так в былине о Хотене Блудовиче описана ссора двух знатных женщин на пиру:

И взяла она цяру зелена вина,
И плеснула ей насупротив в ясны оци,
Подмоцила ей шубу соболиную.

Учитывая, что пятна от вина очень трудно вывести с одежды, оскорбление было вдвойне обидным. В другом варианте былины шуба описана подробнее: «шуба соболиная, равно в сто рублей, — Около шубы дак в петьсот рублей, Одны пуговики дак в целу тысячу» [24, с. 297]. Или: «Облила ей шубу качатую, Пушок морской, вершок дорогой» [24, с. 278].

Из верхней зимней одежды женщин в берестяных грамотах чаще всего встречается кожух. Впервые он упомянут в грамоте № 586 (кон. X–нач. XII вв.). Первое упоминание кожуха, покрытого сверху цветной тканью, находим в грамоте № 381 (XII в.): «кожих чърмьницн женьски», то есть, женский кожух, покрытый красной тканью.

Дорогие кожухи упомянуты в духовной грамоте великого князя Ивана Калиты: «А что есмь нынеча нарядил два кожуха с аламы с женчугом, а то есмь дал меншим детям своим,

Марья же Федосья, ожерельем» [9, с. 8]. «Аламом» называлась большая металлическая нашивка, носившаяся на одежде.

В летописи находим «кожух же оловира Грецького и кроуживы злотыми плоскими ошить» [12, с. 273].

В духовных грамотах удельных князей конца XV в. встречаем упоминание дорогих шуб. К примеру, князь верейский и белозерский Михаил Андреевич передал своему зятю «шубу пахи рысьи с аксамитом... шуба соболя камка червчата с пуговицами». Дочери своей князь подарил множество нарядных шуб: «шуба кована бархат червчат, шуба камка мисюрская, шуба червчата, шуба зелена, шуба багряна, шуба рудожелта, шуба бела, да другая шуба бела» [9, с. 312].

Возникает вопрос: отличались ли два вида меховой одежды — кожух и шуба? А. А. Зализняк переводит слово «кожух» как «шуба». Однако одновременное бытование этих двух названий в древнерусских письменных источниках свидетельствует о том, что это были чем-то отличные друг от друга виды одежды. Так в списке имущества волоцкой княгини Юлиании (конец XV в.) рядом упомянуты кожух и шубы: «шуба русская на соболях бархат червчат с золотом, шуба русская на соболях камка бурская с золотом тяжелая, кожух на беличьих черевих камка бурская с золотом тяжелая, шуба на куницах камка бурская с золотом и серебром» [9, с. 349–350].

Причем и шубы и кожух Юлиании были покрыты сверху одинаковой дорогой шелковой тканью. В источниках можно найти упоминание о дорогом украшении кожуха — кружеве: «круживо кожушное нецело с зарукавьем» [9, с. 308]. В завещании рузского князя Ивана Борисовича перечислены очень нарядные кожухи и шубы: «кожух бархат на соболях, шит золотом да серебром... кожух на черевях на белых, бархат червчат..., шуба на соболях, бархат зелен... шуба соболя гола поношена...» [9, с. 352]. В списке рядом стоят соболий кожух, покрытый бархатом, и соболя шуба, покрытая бархатом. Если бы это был одинаковый по покрою вид одежды, то их бы и назвали одним словом. К сожалению, не представляется возможным сказать, чем же отличались эти два вида одежды. Слово «кожух» в новгородских берестяных грамотах известно с XI в. [10, с. 266, грамота № 586]. Слово шуба более позднее. Но и кожухи и шубы носили как простые горожане, так и знать. С некоторой осторожностью можно предположить, что кожух был короче шубы. Если шуба была длиной почти до щиколоток, то кожух — до середины бедра или немного ниже.

Волоцкая княгиня Юлиания завещала своей дочери в приданое «платье мужское и женское: шуба на соболях бархат червчат с золотом русская, да шуба на соболях камка бурская с золотом тяжелая, да кожух на соболях, камка бурская с золотом; да кожух на черевях на беличьих, камка бурская тяжелая, на червчете желт шелк; да шуба на куницах, камка бурская с золотом и серебром» [9, с. 349–350]. Князь Михаил Андреевич завещал дочери шубу лисью «с сукном с червчатим» [9, с. 312].

В актах начала XVI в. упомянуты «кожух на беличьих черевах» [9, с. 350], «кортель хребтовой белей» [1, с. 444–445]. Кортель — это женская меховая одежда. В духовной грамоте князя Верейского и Белозерского Михаила Андреевича (1486 г.) упомянуты завещанные им дочери «кортел соболеи, а вошва аксамит синь; да кортел соболеи, а вошва аксамит чернь; кортел горностаен, а вошва аксамит зелен; кортел белин, а вошва аксамит синь; кортел белин, а вошва аксамит чернь; кортел куinei, а вошва аксамит червчат» [9, с. 312]. В завещании волоцкой княгини Юлиании перечислены «кортел горностаен без пуху» и кортел на беличьем меху [9, с. 350].

Вероятно, шубы новгородских боярынь не многим уступали княжеским по богатству отделки. Знатные новгородские женщины носили шубы из дорогих мехов — горностаея, соболя, куницы. Сверху шубу покрывали дорогими же тканями — шелком, атласом, парчой. Шубы попроще — для небогатых горожан — шились нагольными, то есть из одной шкуры, не покрытые сверху тканью. По находкам в древнерусских погребениях известны остатки верхней одежды, сшитой мехом внутрь, застегивавшейся при помощи воздушных петель и костяных или деревянных пуговиц.

Еще одним видом женской меховой одежды в конце XV в. была душегрея. «Душегрея моя лисья» — читаем в завещании княгини Юлиании.

В приведенных здесь цитатах перечислены меха различных зверей, идущие на пошив одежды. Дополняет список популярных мехов С. Герберштейн: «Бобровые меха считаются у них (русских — прим. авт.) в большой цене, и все одинаково имеют опушку платья из этого меха, потому что у него черный цвет и притом естественный» [5, с. 84].

Куньи шубы упомянуты в списке имущества волоцкой княгини Юлиании (конец XV в.): «кожух на беличьих черевих камка бурская с золотом тяжелая, шуба на куницах камка бурская с золотом и серебром» [9, с. 349–350]. Гильбер де Ланноа упоминает в своих записках о посещении Руси и Литвы, шубы, которые «есть шелковое платье, подбитое куницами», а так же «перчатки, подбитые куньим мехом» [13, с. 665–666].

Собольи меха в Древней Руси могли себе позволить в одежде только самые богатые и знатные люди. Гильбер де Ланноа упоминает «одежды из шелка на собольем меху, именуемые шубами», которые новгородцы привезли в дар литовскому великому князю. Шелковые шубы, подбитые куньим мехом, по свидетельству француза, считались более дешевыми подарками [13, с. 665].

Рассмотренные в статье источники, оставляют больше вопросов, чем ответов. Женский костюм исследуемого периода в настоящее время остается менее изученным по сравнению с костюмом домонгольской Руси и XVI–XVII вв. Данная статья является всего лишь попыткой заполнить некоторые пробелы в истории русского женского средневекового костюма.

Литература

1. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археографической комиссией. СПб, 1838. № 415.
2. Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930
3. Варенов А.Б. Карельские древности в Новгороде (Опыт топографирования) // Новгород и Новгородская земля. Вып. 11. В. Новгород, 1997.
4. Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VIII. СПб., 1859.
5. Герберштейн С. Записки о Московитских делах. // Россия XV–XVII веков глазами иностранцев. Л, 1986.
6. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.
7. Григорьев Д. Н. Некрополь Троицкого собора Антониево-Дымского монастыря. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2004.
8. Даркевич В. П. Путешествие в древнюю Рязань: Записки археолога. Рязань, 1993.
9. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950.
10. Зализняк А. А. Древненогородский диалект. М., 2004.
11. Лаул С. К. Одежда эстонцев I–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы.
12. Летопись Ипатьевская. Южнорусский летописный свод к. XIII в., список ок. 1425 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб, 1906.
13. Литва и Украина в начале XV в. (по Гильберу де Ланноа) // Хрестоматия по истории СССР. М., 1960.
14. Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.
15. Михайловский Е. В. Рязань. Памятники архитектуры и искусства. М., 1985.
16. Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XI.
17. Псковская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М., 2003.
18. Рабинович М. Г. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.
19. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
20. Сабурова М. Л. Ткани XII–начала XIII в. из Суздаля // Культура Славян и Руси. М., 1999.
21. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 27.
22. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. М., 1958. Стб. 197.
23. Ульфельд Яков Путешествие в Россию. М., 2002.
24. Хотен Блудович // Новгородские былины.
25. Шлихтинг Альберт Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича. Лист 33 // Новое известие о времени Ивана Грозного. Л., 1934.